

ПАМИР В "БОЛЬШОЙ ИГРЕ": ГЕОГРАФИЯ, ГЕРОИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА XIX ВЕКА ХОД И ЗНАЧЕНИЕ

Абдуюсупова Фируза,

Узбекский национальный университет,

Докторант кафедры истории мира исторического факультета

e-mail: mamtkarimovas@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу Памира как арены геополитического соперничества между Российской и Британской империями в XIX веке, известного как «Большая игра». Особое внимание уделяется исследовательским и разведывательным экспедициям, маскулинным представлениям о героизме и их влиянию на имперскую политику. На основе примеров британских пундитов, российских ученых и военных рассматривается, как география, наука и гендер пересекались в условиях имперской экспансии. Исследование подчеркивает роль научных данных и культурных нарративов в легитимации имперского присутствия в Центральной Азии.

Ключевые слова: Памир, Большая игра, маскулинность, героизм, империя, разведка, экспедиция, Россия, Великобритания, Центральная Азия, картография, Федченко, пундиты

"THE PAMIRS IN THE 'GREAT GAME': GEOGRAPHY, HEROISM, AND GEOPOLITICS IN THE 19TH CENTURY — COURSE AND SIGNIFICANCE"

Firuz Abduyusupova,

National University of Uzbekistan, Doctoral student
of the Department of History of world, Faculty of History

e-mail: mamtkarimovas@gmail.com

Annotation: This article analyzes the Pamir region as a key arena of 19th-century geopolitical rivalry between the Russian and British Empires, commonly referred to as "The Great Game." It focuses on exploratory and intelligence missions, notions of masculinity and heroism, and their impact on imperial policy. Using the cases of British pundits and Russian scientists and military officers, the paper explores how geography, science, and gender intersected in the context of imperial expansion. The study emphasizes the role of scientific data and cultural narratives in legitimizing imperial presence in Central Asia.

Keywords: Pamir, The Great Game, masculinity, heroism, empire, intelligence, expedition, Russia, Britain, Central Asia, cartography, Fedchenko, pundit.

XIX век стал периодом ожесточенного соперничества между Российской и Британской империями за контроль над Центральной Азией, известного как «Большая игра». Это геополитическое противостояние, подогретое имперскими амбициями, вызвало активные исследовательские и разведывательные экспедиции, которые не только расширили географические знания, но и сформировали образы маскулинности и героизма участников.

«Большая игра»: Имперские амбиции и маскулинность

После Крымской войны (1853–1856) Россия, стремясь компенсировать ослабление влияния в Европе, начала активно расширяться в Центральной Азии, продвигаясь в Туркестан, Ташкент, Самарканд, Бухару и к границам Афганистана. Великобритания воспринимала это как прямую угрозу своей Индийской империи, хотя Россия использовала это продвижение скорее как стратегическое давление на Лондон для достижения своих целей в Европе. Исторически Россия уже предпринимала попытки проникновения в Азию, включая поход Павла I в Индию и планы Петра I по завоеванию Бухарского эмирата и Хивинского ханства.¹

В контексте этого соперничества, идеи **маскулинности и героизма** играли ключевую роль в формировании образов исследователей, путешественников и военных. Они представлялись как воплощение силы, стойкости и мужества, что подчеркивалось в литературе, мемуарах и официальных отчетах, укрепляя их статус «героев» своих империй. Однако такая идеализация часто скрывала личные сомнения, физические и эмоциональные трудности, с которыми сталкивались эти люди. Гендерные нормы того времени влияли на их поступки и восприятие имперской политики, легитимизируя имперские амбиции и культурное превосходство.

Ярким примером британского «героя» является **капитан Фрэнсис Янгхасбэнд**, известный своими смелыми экспедициями в Центральной Азии. Его стойкость, мужество и лидерство в суровых условиях стали символом британского духа. С российской стороны, **трагическая гибель Алексея Федченко** в 1873 году во время восхождения на Монблан, где он изучал ледники для сравнения с Памиром, стала символом героизма и уязвимости исследователей. Ледник Федченко, названный в его честь, напоминает о его вкладе в науку и стремлении России укрепить свое научное и политическое присутствие в регионе.²

Британские исследования и разведка в Центральной Азии

Во второй половине XIX века Великобритания столкнулась с ограничениями доступа к Центральной Азии из-за усиления российских позиций и закрытия путей

¹ Connell, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press. 173 p.

² Hopkirk, P. (1990). *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray. 67 p.

через Афганистан, Иран и Китай. Это вынудило британцев искать новые подходы к сбору информации, активизируя политику в южных районах Центральной Азии, особенно в Восточном Туркестане и Памиро-Гиндукуше. Восстание в Кашгаре и создание мусульманского государства Йеттишар под руководством **Якуб Бека** (1863–1864) открыли для Англии новый рынок и стратегический форпост. Британцы стремились укрепить влияние через Якуб Бека, используя его для проведения антироссийской политики. Присоединение Хивы к России в 1873 году стало поворотным моментом, который резко изменил геополитическую обстановку и подтолкнул Великобританию к активизации разведывательной деятельности.³

Пундиты и их вклад

Для исследования труднодоступных территорий Топографический департамент Индии отправлял местных исследователей, известных как **пундиты**. Действуя под прикрытием торговцев или благородных титулов, они расширяли знания британцев о Центральной Азии.

• **Мирза Шуджа** (1868–1873): Отправленный из Кабула, он исследовал верховья Аму-Дарьи и пересек Памир до Кашгара. Под видом купца с караваном, Мирза изучал долину реки, открыл озеро Чакмак-Куль и вел маршрутную съемку на протяжении 2179 миль, измеряя расстояния шагами и углы с помощью компаса. Его экспедиция, сопровождавшаяся нападениями бандитов и подозрениями местных властей, предоставила ценную географическую, политическую и военную информацию. Хотя он был убит во время последующей миссии в Бухару, его работа оказалась высокоточной и внесла значительный вклад в британскую разведку.⁴

• **Дж.С.У. Хейуорд** (1868–1870): Поддерживаемый Королевским Географическим обществом, Хейуорд совершил экспедицию из Пешавара в Яркенд и Кашгар. Он исследовал направления рек Каракаш и Яркенд-Дарья, составив две карты Восточного Туркестана. Хейуорд уделял особое внимание точности, изображая только те территории, которые мог лично подтвердить. Его исследования гидрографии и топографии Восточного Памира выявили основные ошибки в географических данных того времени. В 1870 году, во время новой экспедиции, он был убит, но посмертно награжден Медалью Основателя Королевского Географического общества.

• **Хайдер-Шах** (1870–1873): Провел географические исследования районов к северу от британских владений в Индии. Он собирал данные о ледниках Гиндукуша и политической ситуации, а также исследовал путь от Кабула до Бухары.

³ Levine, P. (2004). *Gender and Empire*. Oxford: Oxford University Press. 322-344 p.

⁴ Said, E. W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 5 p.

- **Хавильдар** (1873–1874): Исследовал маршруты из Кабула в Бадахшан, включая перевал Сарулан, и добрался до Фейзабада. Его экспедиция собрала важные географические данные о регионе.

- **Мулла**: Описал территорию Газана как "ничейную землю" и провел точную маршрутную съемку от Джеллалабада до Сархада и Яркенда, демонстрируя смекалку в избегании подозрений.

Экспедиция Дугласа Форсайта

Экспедиция Дугласа Форсайта (1873–1874) стала одной из ключевых британских миссий в Центральной Азии, охватив Кашгар, Яркенд и Хотан. Основное внимание уделялось изучению политической и экономической ситуации в государстве Йеттишар Якуб Бека. Форсайт также исследовал оборонительные сооружения, торговые маршруты и географические особенности региона, включая Памир. 17 марта 1874 года группа специалистов во главе с Гордоном, Троттером, Биддалфом, Столичкой, Мунши и Кишен Сингхом была направлена на Памир для сбора данных о природных ресурсах, рельефе и климате.

Главным выводом миссии Форсайта стало понимание того, что территории Афганистана и Кашгара не соприкасаются на Памире, а Россия, завладев Кокандом, может предъявить права на территории между ними. Форсайт подчеркивал стратегическое значение поддержания Якуб Бека для британских интересов, рассматривая Кашгар как богатую базу для обеспечения безопасности и возможного наступления через Памир.⁵

Российские исследования и экспансия

После соглашений 1872–1873 годов с Великобританией Россия активизировала изучение районов, вошедших в её сферу влияния, чтобы подготовить основы для будущих территориальных соглашений, особенно с Китаем.

Алексей Федченко

Алексей Федченко в 1869–1872 годах провел три экспедиции, изучая северный Памир, его орографию, экосистемы и ледники. Его карта Кокандского ханства стала ценным вкладом в картографию региона, обеспечив основу для дальнейших переговоров и установления границ. В 1871–1873 годах Федченко продолжил исследования ледников, географии и флоры Памира, открывая важные геологические и климатические особенности региона.⁶

⁵ Harley, J. B. (1988). Maps, Knowledge, and Power. In: The Iconography of Landscape. Cambridge: Cambridge University Press. 77 p.

⁶ Fedchenko, A. P. (1871–1873). Trudy Russkoy geograficheskoy ekspeditsii v Kokande i Pamire. SPb. 567 p

Михаил Скобелев и Алайский отряд

После включения Кокандского ханства в состав России в 1876 году, экспедиция под командованием **Михаила Дмитриевича Скобелева** изучила Алайскую долину и северный Памир. Топографы и геодезисты обследовали маршруты к перевалам, включая Кызыларт и Туук-су, и озера Кара-Куль и Ранг-Куль. Скобелев также провел рекогносцировку к кашгарской границе, собирая стратегические данные и отмечая слабость ханской власти, что усиливало обоснование российской власти на этих территориях.

Алайский отряд под командованием Скобелева сыграл важную роль в присоединении южных территорий современного Кыргызстана к Российской империи. Их экспедиции способствовали созданию первой точной карты региона, барометрической нивелировке и определению ключевых географических пунктов, что было высоко оценено современниками.

А.Н. Куропаткин

В октябре 1876 года **А.Н. Куропаткин** был направлен в Кашгарию с миссией определения выгодных для России пограничных пунктов. Его команда провела топографическую съемку, создав первую карту северной части Восточного Туркестана и предложив линию границы через перевалы Суек, Дунзурама и гору Мальтабар. Хотя договоренности с Якуб Бекком не были полностью оформлены из-за завоевания его государства Китаем, в 1878 году Россия заняла Иркештам, закрепив свои позиции.

Н.А. Северцов и И.В. Мушкетов

Научная Фергано-Памирская экспедиция под руководством Н.А. Северцова в 1877–1878 годах внесла значительный вклад в исследование Памира, проведя подробную съемку ранее неизведанных территорий, определение координат и барометрическое измерение высот. Результаты экспедиции отразились на «Карте Памира и сопредельных стран» (1880 г.), ставшей достоверным источником данных.

В 1870-х годах в геологических исследованиях Центральной Азии важную роль сыграл **И.В. Мушкетов**, который совместно с Г.Ф. Романовским изучал Тянь-Шань, Памиро-Алай и Ферганскую котловину, опровергнув теорию молодого вулканизма. Его труды, включая капитальный труд «Туркестан», внесли значительный вклад в изучение горных систем.⁷

Договоренности и картографирование

Русская аннексия Самарканда и долины Зарафшана вызвала беспокойство в Англии, что привело к дипломатическим переговорам. Несмотря на заверения князя Горчакова, Самарканд оставался под контролем России. Обсуждения также

1. ⁷ Мушкетов, И. В. (1886). Туркестан: геологическое и географическое описание. СПб. 12 с.

затронули северную границу Афганистана, особенно в отношении Бадахшана и Вахана.

Соглашение Горчакова-Гранвилля 1873 года признало Бадахшан и Вахан владениями эмира Кабула, с северной границей по реке Пяндж, что стимулировало географические исследования и способствовало установлению границ. Однако двусмысленности в западных и восточных регионах оставили место для споров.

Неопределенная трактовка государственной принадлежности памирских высокогорий стала господствующей в английской картографии 1860–1870-х годов, где Памир часто изображался как ничейная земля. На русских картах начала 1880-х годов Памир показывался под властью Бухары, а район Ранг-Куля – в составе Восточного Туркестана (Синьцзян). Французские и немецкие карты также отражали существование Йеттишара. В 1883 году район Кара-Куля был отмечен как часть России, а остальная часть Памира принадлежала Бухаре.⁸

Дальнейшие исследования и обострение соперничества

В 1880-х годах, в связи с осложнением русско-китайских отношений и вопросом о Кульджинском крае, возникла опасность военного конфликта. Командование Туркестанского военного округа предприняло меры по укреплению обороноспособности приграничных территорий, включая детальные маршрутные съемки путей в Кашгар.

Экспедиция А.Э. Регеля в Шугнан и Большая Памирская экспедиция 1883 года стали важными этапами в изучении Памира и ознаменовали начало нового обострения англо-русского соперничества в регионе.

Заключение

Исследования Памира в XIX веке, являвшиеся частью «Большой игры», выявили многогранность этого геополитического противостояния. Соперничество между Британской и Российской империями за влияние в Центральной Азии стимулировало не только военную и дипломатическую активность, но и масштабные научные экспедиции. Эти исследования, проводимые такими фигурами, как Алексей Федченко, Михаил Скобелев, Дуглас Форсайт и многочисленные пундиты, значительно расширили географические, картографические и геологические знания о регионе, который до того момента оставался малоизученным.

Гендерный подход позволяет глубже осмыслить «Большую игру», подчеркивая, как идеи маскулинности и героизма формировали образы и поведение участников. Смелые экспедиции, стойкость перед лицом опасностей и стремление к открытиям

⁸ Горбачева, Н. (2020). Фигура исследователя и имперская маскулинность в русских экспедициях XIX века. Вестник истории науки и техники, №2. 441 с.

не только служили личным достижениям, но и подпитывали имперские амбиции, легитимизируя присутствие держав в Центральной Азии. Трагические судьбы некоторых исследователей, как Алексея Федченко и Дж.С.У. Хейурда, лишь укрепляли этот образ, символизируя жертвенность во имя имперских интересов и научного прогресса.

Несмотря на дипломатические соглашения, такие как Горчакова-Гранвилля 1873 года, и попытки разграничения территорий, неопределенность государственных границ Памира сохранялась, отражаясь в различных картографических интерпретациях. Это подчеркивает сложность и неоднозначность «Большой игры», в которой научные изыскания тесно переплетались с политическими интригами и стратегическими целями. Таким образом, исследования Памира в XIX веке представляют собой уникальный пример того, как наука и военная разведка служили инструментами формирования и закрепления геополитического влияния на международной арене.

1. Connell, R. W. (2005). *Masculinities*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press. 173 p.
2. Hopkirk, P. (1990). *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London: John Murray. 67 p.
3. Levine, P. (2004). *Gender and Empire*. Oxford: Oxford University Press. 322-344 p.
4. Said, E. W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 5 p.
5. Harley, J. B. (1988). *Maps, Knowledge, and Power*. In: *The Iconography of Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press. 77 p.
6. Fedchenko, A. P. (1871–1873). *Trudy Russkoy geograficheskoy ekspeditsii v Kokande i Pamire*. SPb. 567 p.
7. Мушкетов, И. В. (1886). *Туркестан: геологическое и географическое описание*. СПб. 12 с.
8. Горбачева, Н. (2020). Фигура исследователя и имперская маскулинность в русских экспедициях XIX века. *Вестник истории науки и техники*, №2. 441 с.